

Ибрагимова З.З.

§ 3. Античный человек как «дзоон политикон»/ Образование как пространство и время человеческого бытия: Коллективная монография / Отв. ред. Ф. Ф. Серебряков. – Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. – 196 с.

<http://lib.znate.ru/docs/index-242380.html>

«Человек по природе своей существо политическое», т.е. причастное к государственной жизни более, чем другие животные, живущие стадами. Это видно из того, что только человек обладает речью, способной не только передавать простейшие ощущения, но и такие понятия, как добро и зло, справедливость, несправедливость»¹.

Говоря об античном человеке, мы имеем дело, скорее, с задачей раскрытия указанного феномена. Но этот процесс в большей степени требует подробного этнологического и исторического анализа, т.е. естественным образом может быть сведен к выяснению роли и смысла каждого «камня» античной мозаики. Наши размышления должны заключать философскую рефлексию феномена античного человека. Повторим за А.Ф. Лосевым парадоксальную мысль, что античный мир, античная культура для нас сейчас более близки и понятны, чем для самих греков – современников древней культуры. Ясность, глубина творческих замыслов народа предстают как законченный, осмысленный рисунок эпохи. Они поддаются рефлексии, благодаря истории, обозначившей их роль и значение. Сам феномен «культуры», «истории», «мифа», «человека» – для античного человека нечто, имеющее тотальный, размытый и абсолютно органичный с реальностью характер. В этом смысле у нее более оригинальные предпосылки понять микрокосм (человека). Эта сложная и великая задача решается практически с момента существования античного человека. Хотелось бы уточнить: что нами движет вовсе не устоявшаяся и признанная методология. Проблему мы видим в том, как во многом случайные факторы, камешки будущего калейдоскопа, способствовали созданию причудливого, уникального феномена античного человека? Как впоследствии возвышенный гений, подчеркнем, вовсе не единого народа, привел к возникновению философии? Написано и сказано об этом много, поэтому вовсе нет нужды в очередной раз констатировать миросозидающий смысл античной цивилизации, которая, к

слову сказать, требует уточнения. Проблематику составляет генезис отдельно взятого древнегреческого компонента. Для кого-то такая постановка покажется сужением проблемы. Но это не так, поскольку именно древнегреческий аналог античного мира является одним из наиболее исторически привлекательных для исследователей. Обнаружение и выделение на первый план в этом многослойном явлении античного духа – «дзоон политикон» – обозначение некоего «маркера» состоятельности духовных сил народа. Тот факт показателен, необычен в сравнении с цивилизациями Востока.

Таким образом, вопрос о том, как многообещающая этническая база античности обнаружила тягу к умозрительному обозначению мира постепенно трансформируется в вопрос о том, как и почему возникли при этом античные идеалы пайдеи, которые включали в себя систему воспитания норм образованности, нравственности, правового и гражданского существования и, наконец, политических добродетелей, политического образования. Заметим, что данная традиция значительно расширила «ойкумену», обратив остальной варварский мир в масштабный процесс научения ценностей пайдеи. Таким образом «дзоон политикон» – образ наивысшего воплощения всех пайдетических начал.

Признавая существование великих догреческих и послегреческих культур, мы понимаем, что «культура» достигает своего смысла высшей ценности, освобождаясь от бесконечности обычных жизненных моментов, присущих любому периоду. В пестром этническом космосе греки обнаруживают неповторимую способность наблюдать, размышлять о всеобщем, о логосе как «общий и живой порядок целого»¹. Эти представления легли в основу всего греческого духа как форма, позволяющая создать другие формы, в том числе социальные, и политические. Вот почему идеал античного человека – это фиксированный, узаконенный в истории, но, тем не менее, противоречивый образ. Да, безусловно, его существование – это логическая подвижная взаимосвязь с необходимостью и возможностью понять мир как «всеобщий логос». Но справедливо и обратное. Это не некий застывший результат гениальных усилий понять мир как целое, увидеть некоторую универсальную форму, появившуюся из пытливых усилий древних понять космос, его всеобщее начало.

В этом смысле социальная, политическая жизнь грека – лишь один из подтверждающих примеров. С другой стороны, именно усложнение принципов устройства жизни людей, различные социальные изменения и потрясения, потребность в построении общества обнаружили ясный способ осознания всей

человеческой жизни. Он заключается в том, что принадлежит всем – как закон в полисе¹. Таким образом, именно социальная, общественная подоплека обусловила необходимость более глубокого прочтения того, что есть «личность, открывающаяся для человека лишь в процессе воспитания. Такой подход, противоположный аристотелевскому, данному в его «**Политике**», был также исторически оправданным. Вот почему показанные выше положения дают нам основание заключить, что вовсе не очевидно, будто античный человек есть «дзоон политикон». Скорее это обнаружение одной из версий в понимании античного человека. Но версии фундаментальной, поскольку уже у Сократа (а, возможно, и ранее) мы находим утверждение о приоритете общественных добродетелей (что неизменно вытекало из идеалов пайдейи), точнее, даже о том, что высшим проявлением общечеловеческих добродетелей являются служение обществу, государству, что является аналогом политических добродетелей.

Итак, **политика** – как высшая форма осуществленности человеческой природы. Эта возвышенная и абсолютно справедливая мысль заставляет нас уныло признать: современный глобализирующийся (либеральный) мир, имея генетическое родство с греческой культурой, оставил далеко на периферии эти великие жизнеутверждающие идеи. Признавая единство, общность с греками нашего культурного космоса следует признать: высокий смысл античных политических ценностей девальвирован, вульгаризирован и превращен в ремесло, далекое по смыслу от древнегреческого «техне» – умение красиво что-либо исполнить.

Но все же, хочется подчеркнуть, что наш неизбывный интерес к античному человеку и традиции его воспитания – это не дань историческим размышлениям вообще, а один из реальных способов встраивания современной культуры в мировой культурный процесс. Античные достижения уже содержат простые и ясные знания: формообразования человека и, что особенно важно, государства начинается с воспитания – пайдейи, своеобразного древнегреческого кодекса чести и разума. И человек, и государство предстают как продукт творчества, воспитания, если угодно, «техне». Такая сопряженность макрокосма и микрокосма – государства и человека – естественно для античности, сущность греческого государства «может понять только тот, кто воспринимает его как силу, формирующую человека и его жизнь»².

Последующие в истории типы подобных взаимоотношений отмечены выхолащиванием данного содержания и несут в себе усеченный, ярко выраженный прагматический грубо чувственный, утилитарный смысл «государства», «**политики**». Данная ущербность связана с судьбой самой

философии, которой в пайдейе отводилась исключительная роль (совершенно невозможная для нашего культурного контекста мысль Платона, высказанная в «Государстве»: философы – это кормчие корабля, им известно и видно то, что недоступно другим). Образ политического человека неизменно включает в себя «человечность». Подлинная греческая пайдейя исходит из того, что человек изначально неоформлен, ему только предстоит обрести границы собственного существования, предназначение. Скорее это косная, пассивная материя, которая должна претерпеть значительные преобразования. Всякий обособленный человек – это возможность создания постоянного образа человека. Необходимы нормы, образцы, в соответствии с которыми возможен «дзоон политикон». Памятуя о словах Аристотеля о животном контексте появления человека, отметим, что возможность человека оторваться от биологической доминанты связана с представлением о человеке вообще, о нормах, идеях, то есть того, что составляет предмет философии, а сама философия укоренена в системе воспитания, пайдейе. Сменяющие друг друга эпохи заметно изменили этот тип человека как политического существа, но замкнутость «дзоон политикон» с идеалами образованности, воспитания – факт непреходящий, эта проформа для всех будущих традиций.

Формирование идеалов пайдейи происходит одновременно с возникновением потребности греков понять свою жизнь как историю. Перефразируя слова О. Шпенглера о том, что у греков история появилась именно в тот момент, когда самые главные, с их точки зрения, события уже состоялись, скажем: история появилась у греков вместе с пайдейей, вместе с задачей создания совершенного человека (вечно актуальная цель, которой подчиняет себя грек), сущностным определением которого является государственный дух.

Вот почему необходимо остановиться на исторической ретроспективе, а именно, исследовании факторов и ростков появления изучаемого феномена в истории древних греков. Идентификация древнегреческого индивидуального начала с политическими отношениями, ценностями, а также формирование политических добродетелей как сущностных в жизни человека мы находим в более зрелых формах классики у Гераклита Эфесского (540-480 гг. до н.э.), Анаксагора Клазоменского – (500 – 428 гг. до н.э.), Протагора (481 – 411 или 485 – 415 гг. до н.э.), Сократа, Перикла, Платона, Аристотеля и др. Прежде, чем философское осмысление политических начал достигнет своих развитых форм в «Государстве», «Законах» Платона, «**Политике**», «Афинской политии» и т.д. (изученных довольно основательно), в древнегреческой философии усиленно изучаются вопросы связи образованности с добродетелями вообще,

непреложности разумного начала в практической деятельности, в частности, политической. Родиной «истории» в научном понимании этого слова был Милет, до разрушения персами в 494 г. до н.э., столица Ионии, игравшая ведущую роль в экономической жизни Эллады. Близость Ионии к Востоку обусловила не только важные географические, экономические достижения. Не меньшей степени укрепление отношений в VIII-VII вв. со странами древневосточной цивилизации сопровождалась культурным влиянием. Но, к счастью, после разрушения Милета и подчинением его Персии, все научные, культурные достижения становятся наследием широких слоев торгово-ремесленного населения. «Следует заметить, что первый греческий историк Гекатей Милетский (550- 490) был последователем знаменитых ионийских физиологов¹». Это имя интересно еще и тем, что в трудах Гекатея возникает прецедент связи между историческими знаниями и природой. У древних связь естественно-научных и исторических знаний мыслилась нерасчлененной.

Взаимообогащение с другими культурами создавало условия для появления трудов, реально включавших в себя географические сведения, будущую историю, критику мифов. Вполне появлялась возможность критического, свободного осмысления всего того, что окружает «ойкумену». Сам термин «*historia*» означает «разыскание», «исследование»². В эпосе родственный термин «*history*» не имеет еще смысла «знаток прошлого». Это очевидец, свидетель, «истец» однокоренного русского слова. У ионийцев термин «*historie*» связывается с исследованием природы, т.е. синкретично содержит все существующие знания о природе и философии. Ионийцы историки Гекатей, Гелланик, Геродот распространили историю на область человеческих отношений. Это нашло выражение в описании жизни народов, их верований и т.д.

Таким образом, «история» включала совершенно новые, невиданные возможности понимания индивидуального начала. Она изначально несла в себе пафос служения общественным нуждам, интересам полиса. Гражданин полиса – социальный «атом» – обретал положительные, устойчивые черты своего существования. Утверждение в социальной жизни именно такого «исследования» (*historia*) делало осмысленным не только существование индивида в государстве, оно давало возможность формообразовать все проявления единичного человека в значимые для полиса ценности, деяния, поступки.

Итак, открытие античным человеком политического дара в себе – процесс, сопряженный с обретением *historia*. Вопросы служения власти, участие в

государственных интересах (политического) изначально инициированы потребностью древних греков в истории – исследованию универсального, социального опыта, необходимого обществу. Поэтому, будет справедливо указать, что античный человек как «политическое единство» – это гармоничное продолжение «исторического философствующего существа». Эта связь как естественный контекст древнегреческой цивилизации, благодаря которому античный человек выстраивает свои бессмертные культурные формы.

Поставленный ранее вопрос о предпосылках возникновения феномена «дзоон политикон» отсылает нас в дальнейшую ретроспективу, а именно к изначальной этнической «колыбели» появления «дзоон политикон». Оскар Егер отмечает полную противоположность [Запада – З.И.] Востоку, которая встречается во всех проявлениях исторической жизни. На Востоке государство, организация и порядок идут, если можно так выразиться, сверху, вследствие чего создается некоторый механически-правильный общественный строй, обычно приводящий к непомерному развитию власти того, кто в этом строе составляет главную опору и основу, т.е. царя.

На Западе другое: здесь сила, создающее государство идет снизу, от единицы; единичное благо есть постоянная и главная цель, созидаящая и связующая общество. Здесь только и могло сложиться понятие о личной свободе, которая и как понятие и как слово напрасно искать в древних языках и надписях Востока, или даже в самом Ветхом Завете. Эллинам впервые удалось сознательно провести это понятия в общественную жизнь и тем придать новую силу нравственной деятельности человека: в этом заключается их всемирно-историческая заслуга, в этом и вся сущность их истории¹.

Два центра политической истории Эллады – Афины и Спарта – демонстрируют нам и два образца политического творчества. Если Спарта демонстрирует нам исторический образ власти, мышления и поведения людей, направленных на достижение стабильности, порядка и, в духовном плане, стагнацию, то Афинская полития – в большей степени является мощнейшим источником прежде всего духовного возвышения античного человека. В данных исторических условиях становления афинского полиса формируется другой тип человека, нуждающегося и могущего создать прецедент писаного закона, который был необходим для ослабления гнета более сильных и состоятельных сограждан. И такая историческая перспектива открывается в Афинах, такой исторический прецедент создается. Особо следует в этом ряду отметить деятельность Солона. Будучи избранным в архонты, он проявил блестящие политические способности. Именно он сумел прийти к мысли, что общие

разумные установления, закон (логос) должны возобладать в жизни афинян. Перед ним стояла задача реализации равновесия закона (эвномия), которая, к слову сказать, была реализована другими архонтами. Афинская аристократия отличалась от всех других подобных признанием имущественного начала. Очень важно, что все сословия были обложены податями, где это было невозможно – воинской повинностью. Деятельность архонтов была конкретизирована. Среди них был басилевс (царь) и, например, шесть архонтов – законодателей. Было введено всенародное собрание. Политическая жизнь получила огромный импульс, поскольку, во-первых, утверждалась общеобязательность закона, во-вторых, для свободных граждан значительно расширился круг возможных форм реализации способностей. Так, например, значительные нравственные требования предъявлялись архонтам, принимавшим участие в феномене народного судилища. Это было важным фрагментом политического воспитания народа. Возможность принимать определенное участие в судьбе того или иного человека требовало от судей зрелых навыков ответственности перед собой и людьми.

Творческий гений афинян нашел свое воплощение в деятельности ареопага (своеобразный совет старейшин, контролирующий, в том числе и нравственные преступления). Впервые в деятельности Солона и созданных им политических учреждений стало проявляться относительно свободное отношение человека к общественной системе и государству. Этот значительный прорыв в воспитании человека и гражданина стал возможен благодаря признанию прав свободного человека. Это стало возможным благодаря совершенно особым историческим условиям, появлению поистине легендарной личности, а также кристаллизации умозрительного мышления, постепенно освобождавшегося от обволакивающего все мифа.

Таким образом, была реализована идея практической мудрости, в то время как начался и расцвет всеобщей рационально выраженной мудрости – философии. Хотя именно во времена жизни Солона ионийская физиология сделает великий шаг к осознанию закона в вечном круговороте природы. Мы обнаруживаем идентичность шагов исследователей закона полисного и закона природного.

Солон в своих практических шагах и поэзии настаивает на существовании внутреннего закона (логоса) в социальной жизни. Все, что обнаруживает закон в природных явлениях, как сущность присутствует в общественной жизни людей. Смена одной формы правления другой – закономерно. Мифологическая часть истории античного человека предполагает всевластие рока над деяниями

человека, но последующий этап эволюции общества предполагает выдвижение других критериев устройства жизни. Не боги, а сами люди в состоянии участвовать в своей судьбе. Таким средством для них является право, непременно связанное сознанием. Человеческая жизнь должна быть преисполнена ответственности, прежде всего, за себя и других людей. Мощнейшим источником, мотивом такого нового миропорядка является миф и в целом верования древних греков. Политический, государственный человек изначально интегрирован в живой космос, развивающийся по самым общим законам. Вот почему в вопросах материальной жизни людей политический закон стремится к созданию равновесия, которое изначально создается Мойрой. Безусловно, таким реальным примером человека, стремящегося к действию и нравственной позиции, умению осознать человеческую вину является судьба самого Солона. Как в эволюции древнегреческой мифологии прослеживается тенденция к обозначению богоравности, богоборчества человека, так и в истории общества обнаруживается расширение человеческого присутствия и сужение божественного произвола. Таким причудливым образом реализуется один из натурфилософских принципов взаимосвязи части и целого. Целое – это социальная жизнь античного грека, оно немислимо без участия судьбы индивида. Такая органичность вытекает из ионийского видения мира. К уже звучавшим в отношении закона оценкам хочется добавить, возможно, самое важное: новое (хотя и связанное с мифологически-религиозным видением) правовое политическое мышление античного грека помимо упрочения государственных образований несет условия для высвобождения индивидуального начала и его гуманистический пафос представляется поистине непреходящим.

Древнегреческая философия создала замечательный и объемный образ политической жизни грека. Будучи ограничены в размерах нашего вводного замечания о «дзоон политикон», мы фрагментарно обозначим наиболее существенные положения некоторых античных мыслителей.

Гераклит Эфесский (540-480 гг до н.э.) замечает, что «народ должен сражаться за закон, как за свои стены»; «тем, кто желает говорить умно, должно укрепить себя этим для всех общим как город законом и много крепче. Ведь все человеческие законы питаются единым божественным, который простирает свою власть, насколько желает, всему довлеет и над всем одерживает вверх»¹. Гераклитово понимание закона общества непременно освящено божественным законом. В космосе существует закон, способный проникнуть во все законы природы. Знание этого закона связано с мудростью – высшей человеческой добродетелью.

Анаксагор Клазоменский (500-428 гг до н.э.), ученик Анаксимена, впервые признал за начало миропорядка не судьбу, не необходимость, а разум, чистый и несмешанный и отмечает: жизнь философа-теоретика существенно отличается от жизни политического деятеля; первый не нуждается для своих построениях ни в орудиях, ни во внешней материи, а все свои помыслы устремляет на прекрасное; у второго же добродетель вступает в тесное соприкосновение с человеческими нуждами, и ему нередко приходится тратить свое богатство не только на удовлетворение потребностей, но и на добрые дела...²

Протагор (481-411 гг до н.э.), сын Артемона, в сочинении Платона предстает рассуждающим о «воспитании мужа, которое заключается в серьезном изучении жизни». А это должно состоять в том, чтобы понимать произведения поэтов, что именно сочинено правильно и что неправильно, а также в том, чтобы уметь толковать (анализировать) их и давать объяснения вопрошающему»¹. Отмечают уже в древности, что «Государство» Платона почти целиком повторяет то, что написано Протагором в его «Прениях». Платон подражает тому, что есть в мифе Протагора: «Итак, человек получил указанным путем житейскую мудрость, политической же мудрости у него еще не было. Ибо последняя находилась у Зевса. Прометей крадет при помощи огня искусство Гефеста. Афина дает их человеку. Благодаря этому человек живет в удовольствии. После того, как таким образом человек получил божеский удел, он, прежде всего вследствие сродства с богом, один только из всех животных стал чтить богов, начал воздвигать им алтари и статуи.

Будучи вооружены такими средствами, люди вначале жили отдельно, и городов у них не было. Так погибали они от диких зверей, потому что во всех отношениях были слабее их. Знание ремесел позволяло им с успехом справляться с добыванием средств к жизни, но этого было недостаточно.

Дело в том, что люди еще не обладали политическим искусством, частью которого является воинское искусство, поэтому стремились собираться вместе и спасаться путем основания городов. И вот тогда, когда они объединились для совместной жизни, стали появляться обиды друг не друга, что было следствием отсутствия политического искусства, так что люди вновь рассеивались и гибли. Наконец Зевс, опасаясь, как бы не погиб весь род людей, посылает Гермеса, который приводит к людям Стыд и Правду, чтобы они водворили порядок в городах и укрепили дружеские связи. Гермес спросил Зевса, каким образом дать людям Стыд и Правду. «Так ли, как разделены искусства и их мне поделить между людей? Между ними, – сказал Зевс, – все должны получить их. Ибо не

бывать городам, если только немногие будут иметь их, подобно тому, как обстоит с другими искусстваами. И установи от моего имени закон, чтобы того, кто не в состоянии иметь Стыд и Правду, убивать как язву города»².

Полагая, что само «Государство» есть предмет самостоятельного разговора, отметим, что Протагор, так же как и Гераклит придерживается божественного объяснения закона.

В целом философия Сократа, Платона и Аристотеля обозначила следующий мощный прорыв в познании политической добродетели. Отметим лишь, что сущность последней Аристотель в «[Политике](#)» выводит из анализа форм общения, признавая государство высшей формой общения – общением политическим. Эволюция семьи и превращение в государство – это новый аспект в понимании человека как политического существа. «Дзоон политикон» предстает как некая форма приспособления человека к цивилизации. Аристотель объясняет все естественными причинами: «Природа устроила так, что и физическая организация свободных отличается от физической организации рабов. У рабов тело мощное, приспособленное для необходимого физического труда. Свободные держатся прямо и непригодны для выполнения подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни»¹.

Завершая наши рассуждения, отметим, что более поздняя эллинистическая перспектива всецело опирается на достижения философской мысли периода высокой классики. Римская цивилизация начинает строить свои политические структуры, исходя из понимания политической добродетели как высшего проявления общечеловеческих начал.

Ссылки:

1 Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1986. – С. 133; Аристотель. [Политика](#)(I, 9, 1253 с. 17).

1 Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. – М., 2001. – С. 19.

1 Йегер В. Указ. соч. – С. 21.

2 Там же. – С. 22.

1 Йегер В. Указ.соч. Т. 1.; Немировский А.И. Указ.соч. - С.30.

2 Тахо-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним// Вопросы классической филологии. – М., 1969. – Вып. 2. – С. 115.

1 Егер О. Всемирная история в 4-х тт. Т. 1 Древний мир. – М., 1989. - С. 123.

1 Античные философы (свидетельства, фрагменты, тексты). – Киев, 1955. – С. 23-26.

2 Там же. - С. 62.

1 Там же. - С. 119.

2 Античные философы... - С. 127.

1 Аристотель. **Политика**. 1, 5, 1254a-118.